

ГЛАВА II

МАТЕРИНСТВО: МИФОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1 Кор. 13:8

В предисловии к русскому изданию книги Ж. Бодрийяра «Америка» (СПб., 2000) Б. В. Марков, в частности, пишет: «Люди перестали считать секс и политику главными проблемами, освободились от „зова пола“, от власти идей и тирании вождей. Они лишились как полового, так и государственного инстинкта. Родина, мать, жена, дети — все это перестало быть чем-то, что раньше люди берегли и защищали преданно и безрассудно» (с. 8).

Откуда пафос в последних словах этого отрывка? Что из перечисленного автором — родина, мать, жена и дети — относится к государственному и что — к половому инстинкту?

Обратим внимание на то, что названные чувства квалифицированы как инстинкты, то есть то, что не воспитывается, а получено генетически.

Представление о ценности материнства относится к национальному фоновому знанию: процитированный выше автор, чья профессиональная деятельность — философия — предполагает рефлексию, тем не менее не подвергает рефлексии перечисленный набор «базовых ценностей». Для того чтобы открыть для осознания природу и основания мифологии советского и постсоветского материнства, я буду использовать все возможные стратегии — от исторического очерка, антропологических описаний обычаев русской деревни и контент-анализа интернет-блогов до собственной дневниковой прозы. С последней и начнем.

24 ноября 2006 года, в субботу, редкий день, когда можно поспать подольше, мой десятилетний сын лишил меня сладкого утреннего сна громким радостным криком: «Вставай, сегодня — День матери!» Оказалось, что в его школе пропагандисты Единой России рассказали о празднике матерей и выдали детям голубые шарики с соответствующим поздравлением. По этой причине он не завтракал неделю, копил деньги мне на подарок. И естественно, когда столь важный день настал, не смог утерпеть. Моему возмущению не было предела. Почему какая-то политическая организация считает себя вправе вмешиваться в мою семейную жизнь и выражать мне благодарность за мои действия, к которым она никакого отношения не имеет? Она — кто? Благодарный отец? Или она — государство, которое решило, что я произвела и воспитываю своих детей для него? Почему политическая организация использует для своего пиара моих наивных и доверчивых чад? Справившись со своим негодованием и поблагодарив ни в чем не повинного ребенка за подарок, я решила поинтересоваться, что же это за праздник.

День матери учрежден приказом Президента России 30 января 1997 года. Я приведу два отрывка, описывающих этот праздник, и их прокомментирую.

В России выделять День матери стали сравнительно недавно. Хотя по сути это — праздник вечности: из поколения в поколение для каждого мама — главный человек. Становясь матерью, женщина открывает в себе лучшие качества: доброту, заботливость, любовь (www.admhmansy.ru; это высказывание повторили более 20 000 сайтов).

Приятно сознавать, что государство официально признает высокое значение материнства. Первый раз отмечали День матери России в 1997 году. Мама! Слово это особое, оно рождается вместе с нами, сопровождает нас в годы взросления и зрелости. Мать нужна детям, ведь в них продолжается наша жизнь, поэтому материнская любовь безгранична. У мамы доброе сердце, ласковые руки дарят миру самое дорогое, что есть на земле, — это дети (www.rcio.rcu.ru, www.gou.cap.ru).

В этих текстах представлен целый ряд тезисов, одни из которых фиксируют определенные культурные императивы, другие являются пустыми риторическими фигурами. Отделим первые от вторых.

Культурные императивы:

Лучшие качества женщины — доброта, заботливость и любовь.

<Как получен этот рейтинг?>

Материнство — условие открытия лучшего в женщине.

<Бездетные хуже по определению?>

Главный человек для каждого <человека> — мать.

<А отец, а друг, а жена/муж, а дети? А наставник, наконец?>

Пустые риторические фигуры:

День матери — праздник вечности.

<?>

Ласковые руки <матери> дарят миру детей.

<?>

Мать нужна детям, ведь в них продолжается наша жизнь.

<?>

Материнская любовь безгранична.

<?>

Перед нами — тексты-внушения. Их гипнотическое воздействие обеспечивается сочетанием бессмысленных фрагментов речи и установочных высказываний. Последние, установочные высказывания, обнаруживают существующие в обществе культурные императивы. Социологическим аргументом в доказательство их существования могут служить данные, приведенные Еленой Здравомысловой: «В России... чаще, чем в других европейских странах, встречается мнение, что жизнь женщины полноценна только тогда, когда у нее есть дети. Так считают 83% опрошенных россиян (для сравнения: в Голландии эту идею поддерживают лишь 7% респондентов)»¹.

Статистика социологических опросов, как мы видим, показывает, что мать в России действительно главный человек, более того, материнство — условие полноценности женщины. Важно отметить и то, что тексты и опросы выявляют специфическую российскую ситуацию.

¹ *Здравомыслова Е. М. Семья: из прошлого в будущее // Гендерные стереотипы современной России (Интернет-конференция. 1 мая — 7 июля 2006 г.).*

Какую форму отношений внутри семьи создает (или воссоздает) и транслирует последнее советское и первое постсоветское поколение? В частности, в чем состоит традиция и какова новация в области отношений матери, отца и ребенка? Попробуем разобраться в этой политически, социально и эмоционально накаленной теме, обратившись к «обычаю».

О крестьянской традиции мы знаем достаточно много. Собирая в русских деревнях фольклор, мы записывали, естественно, и его контекст. Поэтому, узнавая о заговорах, которые должны были защищать младенца от порчи и болезней, мы многое узнавали и о том, как строились отношения в крестьянской семье вокруг детей. Так, известно, что молодая мать посвящалась в магическое знание, направленное на защиту ребенка, по потребности: она участвовала в магических действиях, целью которых было здоровье ребенка. Организатором таких ритуалов была старшая женщина — свекровь, повитуха (старуха, которая «вела» роды). Вместе с тем уход за младенцами был в равной степени делом матери и бабушки-большухи (свекрови). Ответственность за благополучие и здоровье детей брала на себя старшая. Молодые матери носили с собой грудничков на полевые работы. В остальных случаях детей оставляли на свекровь. Обязанность молодых матерей — подчинение мужу, большаку (отцу мужа) и большухе. Ответственность за пестование, воспитание и здоровье детей лежала на хозяевах (отце и матери мужа). Приведу несколько рассказов, записанных от деревенских женщин старшего поколения.

Как я вышла замуж? Мы шли из Шубача с праздника Обульской Божьей Матери. Гуляли столько годов. Замуж вышла, пришла к свекровке жить, она меня хорошо приняла. Я была бедная, он бедный. У него рука правая не отгибалась, с войны пришел. Я ее на «ты» называла. Ребята стали подрастать, купили домик. Потом муж перевел бороны в большие хоромы.

<Умер?>

Совсем молодой. Я четырех во хлеву родила, со скотиной. Некогда.

<А послед, пуповина?>

Мама (свекровь. — С. А.) у меня была, я лежу во хлеве да принесу. Мама блины пекет. «Мама! Возьми ребенка» — «Господи, благослови ребенка, Надька». На печку кинет (ж., 79 лет, Вологодская обл.; зап. 2001 г.).

В случае болезни ребенка в магическом лечении участвуют двое — мать и «матка», свекровь. Свекровь находится в доме, мать с младенцем на руках «на вечерней заре по окнам с ним ходит. „Первая заря Марья (подходя к первому окну), вторая заря Дарья (у второго), третья заря Пеладея (у третьего), не смейся, не галься над моим дитем. А смейся и галься на дне речном...“»

От свекровей женщины учились лечебным навыкам:

От вывиха дак ко мне уж ходят. Сколько народу уж приходило, спасла. Нога либо рука — вывих... Ну, у меня свекровушка умела править, и я все смотрела, как она правит. Там к ей ходили тожо, править... А потом уж мне, этот, гораздо, вот такие слова надо дать, дак. Дак вот слова, от шшемоты, чтоб не шшемило... Вот... «Колотье, шшемота, иди в темные леса, в темное болото, в темный лес, на зеленый мох, на белую березу, на гнилую колоду, там боли и шшеми, а у такой-то не боли». Вот и все. Более ничего, ничего не сказывают-то. Вот покрешшу, и шшемота уходит, и нога, там, поправляется (ж., 67 лет, Вологодская обл.; зап. 2002 г.).

Восхождение женщины в «матерую» позицию — это называлось «встать на большину» — происходило, когда свекровь переставала справляться с кухней, скотом и хозяйством. Вставали на большину лет в сорок пять, а то и позже. Раньше это могло произойти в том случае, когда семья выделялась и обзаводилась отдельным домом и хозяйством. Но и в этом случае невестка обращалась в первую очередь к свекрови в случае болезни детей, проблем со скотом или при собственном нездоровье. А также и в том случае, если была беременна. Роды принимала сама свекровь или же, если она была еще молода («плодна»), приглашала сведущую старушку.

Воспоминания, которые русские люди хранят с самого детства, — «материнские» руки — в действительности были руками бабушки и прабабушки. Руки собственной матери становятся таковыми — лечащими, баюкающими и успокаивающими — тогда, когда дети вырастают: они баюкают внуков, а не де-

тей. Проще говоря, «руки матери» — это руки большухи, старшей женщины. «Матушки» русского фольклора — это матери взрослых дочерей и сыновей.

Класс матерей-большух, женщин-хозяек, матерей взрослых детей — главная воспитывающая и контролирующая сила деревни. Старухи (матери матерей, сложившие с себя «большину»), сидя по завалинкам, приглядывают, докладывают матерям, а те карают своих чад или обращаются с требованием кары к соседкам-большухам. Объект их контроля — дети, парни, девушки и молодые женщины. Если встает вопрос о неправильном поведении мужика (женатого мужчины), большухи обращаются к его отцу или к старшему мужскому сообществу через своего мужа-большака. В любом случае, надзор — функция старших матерей.

Такой общественно-материнский механизм контроля по сегодняшнему дню сохраняется в деревнях. Он доминировал в «дворовой» культуре советских городов, постепенно заполнявшихся выходцами из деревни. Один из наиболее ярких фактов сохранения традиционных возрастных иерархий в советскую эпоху — «тетеньки» и «дяденьки» детского словаря. *Тети* и *дяди* — не родня, но все старшие мужчины и женщины, с которыми ребенок взаимодействует, за исключением тех, чья властная по отношению к детям позиция закреплена институционально: учитель, воспитатель, врач, милиционер. Такому обращению обучали старшие: «Сходи к тете Люсе (соседке. — С. А.), отнеси крышки для банок». — «Тетя Люся, меня мама послала...» Примеры бесконечной детской путаницы, определенной двойным стандартом иерархий — государственных и возрастных, известны каждому: «дяденька милиционер», «тетенька доктор».

Мы с приятелями дворовыми играли на кладбище. По одной простой причине: там дорожки всегда были просыпаны песком. А больше никакого песка в округе не было. Мы сидели в сторонке на маленькой аллейке и какие-то песчаные города строили. И пришла тетенька в возрасте и нас отругала: «Как же можно здесь играть». Это очень запомнилось, произвело громадное впечатление. И я помню, что потом мы даже каких-то детей других гоняли. Это было священное место.

Это отрывок из интервью, которое было записано в 2001 году от тридцатилетней жительницы Петербурга. Рассказывая о своем детстве, она переключилась на детский язык, в котором «тетеньки» и «дяденьки» — любые взрослые вне зависимости от родства.

Советские поколения сохраняют в своем быту традиционные формы отношений: старшие женщины могут и имеют право поучать и наставлять любых детей (не только собственных внуков). Пенсионеры на лавке, которым подконтрольно все пространство городского двора, хорошо известны нам как по собственному детству, так и по фильмам 1950–1970-х годов.

Чего я не обнаружила в традиционных крестьянских представлениях о материнстве и детстве, так это идеи об особой ценности, «святости» материнства и особой ценности детей. Бездетность — показатель неблагополучия семьи, возможной порчи. Плодовитость обеспечивала увеличение земельного надела семьи (надел в царской России выделялся на мужскую душу), а также возможность выделения семьи в отдельное хозяйство. Смерть младенцев переживалась как горе, но не как трагедия¹. Беременность и роды переживались как особое, опасное в смысле особого контакта с потусторонним миром состояние, но не как «святое». Роженица нуждалась в защите и попечении: сроки родов скрывались от посторонних, родившую не оставляли одну. Младенца и молодую мать старались не выводить на людях как можно дольше и т. д. О святости, особой благодатности материнства как применительно к деторождению, так и применительно к воспитанию детей не упоминает ни один из известных мне источников. Скорее можно говорить об особой мистической ответственности матери за своих детей: «Материнская молитва со дна моря достанет», материнское проклятие неизбежно влечет беду, оно — самое сильное.

¹ Становление представления о равной ценности взрослой и детской жизни может быть прослежено по истории русского права, касающегося детоубийства. См.: *Гернет М. Н.* Детоубийство: Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. С приложением 12 диаграмм. М., 1911.

В контексте христианской традиции чадородие и чадолюбие — естественное человеческое свойство, но святость женщин — в предпочтении Боголюбия чадолюбью¹.

Как мы видим, ни крестьянская, родовая, ни христианская традиции не являются источником советского культа матери. Откуда же взялись наши мощные чувства — гордости, вины, стыда и страха, — которые мы испытываем, признав за собою статус родителя? В их коллективности нет сомнения.

Рождение и воспитание детей — практика, определяемая биологической природой человека. Эта практика — базовая, она связана с существованием популяции как таковой. Организующие ее социальные институты принадлежат к корневым механизмам воспроизводства культуры. Естественно, они тесно связаны с другими основополагающими социальными институтами общества, посредством которых осуществляется межпоколенческая трансляция отношений и смыслов. Поэтому вопрос о статусе и мифологии материнства может быть поставлен и в ином ключе, требующем уже не социальных, а мифологических (или идеологических) определений:

Что происходит с человеком, когда он входит в мир?

Что происходит с человеком, когда он становится воротами, через которые другой человек входит в мир?

И наконец, что происходит с человеком, когда в его мир прибывают люди, происходящие от семени его?

Приведу в качестве примера такой постановки вопроса отрывок из интервью с Михаилом Эпштейном, приуроченного к выходу русского издания его книги «Отцовство». В этом отрывке отчетливо наблюдается различие позиций спрашивающего и отвечающего. Ведущая Ольга Дунаевская исходит из коллективных представлений (общее место: «дети продолжают жизнь отцов»), то есть она говорит не об опыте, а о презумпциях, в то время как Эпштейн описывает индивидуальный опыт.

¹ Введенный Российской патриархией в 2006 году «Почетный знак», которым награждаются многодетные матери, воспитывающие своих детей в лоне Церкви, очевидно, еще не получил должного канонического осмысления.

Это дневник отношений отца с еще не родившимся ребенком и затем — с новорожденной дочерью, притча об отношениях творца и творения, о трагедии отчуждения. Завершается книга моментом, когда дочь сказала первое слово, и ей перешло присвоенное мной в период ее молчания право на самовыражение. Работая над этой книгой, я учился любить других, по-новому понял взаимоотношения между людьми. Мне кажется, суть заповеди «люби ближнего твоего, как самого себя» означает: полюби ближнего, как отец любит свое дитя. Я учился различать, какими окружающие меня люди были в детстве, — а люди, в сущности, так и остаются детьми. Учился понимать и прощать.

<У вас четверо детей, причем трое мальчиков, — вы видите в них продолжение самого себя, реализацию своих несбывшихся надежд?>

Когда жена была беременна первым ребенком, мы ждали мальчика. Представляли его худым, одухотворенным, с большими грустными глазами. А родилась упитанная веселая девочка. Это был знак: нельзя вкладывать в ребенка свои представления о должном. Мы даруем детям телесное бытие, а они нам — принадлежность бессмертному роду. Рождая, мы обрекаем их на смерть, а они нам дают продление, жизнь. Дочь воплощает то прошлое твоей жены, которое тебе не принадлежит, — ее детство, и любовь отца к дочери как бы замыкает любовный цикл. Поэтика «дочернего» представляется мне частью культа Прекрасной Дамы, и ему в мировой культуре принадлежит будущее¹.

Осмысление акта рождения требует определенного сюжета, причем, как мы видим, для участников акта рождения это могут быть разные сюжеты. Но они непременно должны быть. Наличие сюжета есть условие для осмысления собственного опыта. Он необходим, чтобы участники посвячительного ритуала, коим в социальном плане является событие рождения, поменяли свой статус: плод стал человеком, женщина — матерью, а мужчина — отцом. Для института советского брака такие стереотипные сюжеты назвать легко: они жили долго и счастливо, и периоды их жизни отмерялись хрустальями, серебром и золотом юбилейных

¹ Цит. по: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.

свадеб, она/он нашла/нашел свою половину и т. д. Такого же рода сюжеты, позволяющие превращать отцовский, материнский, дочерний, сыновний опыт в биографию, в прошлое, я и стала искать.

Одним из первых открытий на этом пути стало то, что императив беззаветной материнской любви, воспринимаемый массовым сознанием как абсолютная, «непреодолимая» ценность, в действительности очень новый: это продукт советской эпохи.

Риторика материнского совершенства, абсолютности материнской любви вошла в речевой багаж советского дошкольника и школьника и запечатлелась там на всю жизнь.

Песенка в мультфильме про слоненка-мамонтенка, преодолевающего немислимые преграды в поисках «единственной мамы на свете», спетая в семидесятые К. Румяновой, вызывает неизменное умиление. Песню «Пусть всегда будет солнце» А. Островского на стихи Л. Ошанина, а именно волшебные слова: «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я», — знают все.

Мифология материнства разрабатывалась постепенно, официальными и неофициальными, письменными и устными текстами, высоким искусством и искусством массовым. «Мать» Максима Горького изучалась советскими школьниками с 1919 года. Мать Павла, в которой биологическое, кровное материнство переродилось в духовную связь, мать, которая разделила жертву сына ради новых отношений, эту мать знают все советские поколения¹. Родина-мать в виде монументов и плакатов, образ матери в живописи Сергея Герасимова, Александра Дейнеки и Федора Антонова², мать Ульянова в портретах и школьных

¹ Здесь и далее, ссылаясь на советские школьные программы, я использую данные сводной таблицы школьных программ по литературе, составленной М. Кондрой под руководством Е. В. Кулешова (кафедра детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства).

² О теме материнства в советском изобразительном искусстве см.: Гаснер Х., Гиллен Э. От создания утопического порядка к идеологии умиротворения в свете эстетической действительности // Агитация за счастье: советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф; Бремен, 1994.

учебниках по истории и т. д. и т. п. — варианты одного мифологического образца, общий in-put школьного образования 60–80-х годов XX века.

Идеология материнства была официально задокументирована в Законе об охране материнства и детства. Мифология материнства административно воплощена в привокзальных комнатах матери и ребенка. В литературной традиции культурный императив материнства реализуется в сюжете любви матери к сыну и сына к матери. Тема святой материнской любви именно к сыну оказывается сквозной для городских текстов самого разного рода — литературных, политических, блатных и пр. Пример литературного регистра:

Как ступлю на порог,
Не поняв, не решив:
Ты мой сын или Бог?
То есть мертв или жив?
Он говорит в ответ:
Мертвый или живой,
Разницы, жено, нет.
Сын или Бог, я твой.

И. Бродский.
Натюрморт. 1971

Пример блатного регистра:

На пороге встретишь ты, родная,
С белою седою головой,
И платочком слезы утирая, дорогая мама,
Скажешь: «Сын, вернулся ты домой».

Увяли розы, умчались грезы,
И над землею день угрюмый встает.
Проходят годы, но нет исходу,
И мать-старушка слезы горькие льет¹.

¹ *Уличные песни* / Сост. А. Добряков. М., 1997. С. 100, 332.

Тема, заданная фразеологизмом «родная мать не узнает», многократно разрабатывалась в советской литературе и публицистике. Каждый советский школьник помнит это по рассказу А. Н. Толстого «Русский характер», впервые опубликованному в газете «Красная звезда» 7 мая 1944 года и в 1951 году включенному в школьную программу по литературе. Только мать узнаёт сына в изуродованном ранением человеке, остановившемся в доме. Отношения сына и матери — из редких, не образующих конфликта в современных балладных сюжетах, основными темами которых служат конфликты, разрушающие приватные человеческие связи¹.

Общественная практика, разрабатывающая миф о святом материнстве и конструирующая на его основе конкретные стереотипы поведения, формировала необходимые для этой цели социальные институты: детские ясли (название учреждения однозначно отсылает к евангельскому источнику!), детские сады. К таковым можно отнести женские консультации, работавшие в тесном сотрудничестве с другими формами контроля — милицией и отделами кадров, и родильные дома — государственные учреждения опеки (надзора) за процессом посвящения в материнство.

Посвятительная задача институтов родовспоможения — женских консультаций и родильных домов — состояла в том, чтобы привести «лиминальную персону» (предварительно разрушив усвоенный ею прежде набор поведенческих стереотипов) к соответствию с образцом. Решение этой задачи осуществлялось посредством определенных, типичных для многих культур, ритуальных акций: лишение имущества и статусных символов. Принудительное изъятие всех личных вещей при поступлении в роддом, мотивированное правилами гигиены, обязательное снятие нательного креста и обручального кольца на момент родов, — эти действия оставались обязательным ритуалом отече-

¹ См.: Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры Нового времени // Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. С. 350–352.

ственных родильных домов вплоть до начала 90-х годов. К тем же процедурам ритуального унижения можно отнести и облачение в униформу (казенные ветхие, не по размеру белье и халаты) и принудительную наготу — запрет родильницам надевать нижнее белье, фамильярность — обращение к своим пациенткам на «ты» (отличительная черта врачей-гинекологов советских медицинских учреждений) — и полную изоляцию, досмотр передач и корреспонденции.

Институт родильных домов и женских консультаций советского времени сконструирован по образцу исправительных учреждений. Природа проступка роженицы была непонятной. И тем решительнее она должна была пережить обязывающую мощь происходящего с нею. Зачатие формулировалось как грех, вина, а роды и унижение родильного дома — как форма наказания за этот грех: «любила кататься — люби и саночки возить», «как трахалась — так не орала»¹. Родовые муки интерпретировались как наказание за секс, который вменялся роженице в вину акушерами (они же — посвящающие).

Особо страшный женский грех перед советским обществом — внебрачное зачатие. Общественный позор падал на голову матерей, самостоятельно растивших своих детей. И для детей, и для матерей в этих обстоятельствах были особые социальные термины — «безотцовщина», «мать-одиночка». Прочерк в графе «отец» метрической карты ребенка был позорным пятном в биографии, поводом для злословия соседей и сотрудников.

Все описанное мною выше — коллаж представлений о материнстве, наследуемый последними советскими поколениями, то есть императивы, заданные рожденным в 1960–1970-е годы.

Социальная машина, посвящающая в материнский миф, была сконструирована из ряда «узлов»: литературные и изобразительные тексты, разрабатывающие мифологию материнства, институты родовспоможения, на деле осуществляющие посвятитель-

¹ Советский родильный обряд и связанные с ними установления и нормы подробно рассматривались Т. Б. Щепанской и Е. А. Белоусовой.

ные ритуалы и фольклор. Ее узлы возникали не сразу, они подвергались модернизации и замене, происходило это в разные годы и по разным причинам. В любом случае, очевидно, что материнский миф и материнский сценарий поколения, рожденного в 60–70-е, существенно отличался от поколений 40–50-х, а тот, в свою очередь, принципиально отличался от установок первых советских поколений.

Различие сценариев жизни, которые использовались советскими матерями разных поколений, в значительной степени определялось идеологическими и социальными изменениями, происходившими в советской истории. Их динамику я и попробую проследить, обратившись к социальной истории института материнства.

«Женщина-работница», первая марксистская брошюра о положении трудящейся женщины в России, была написана Надеждой Крупской в 1899 году в Сибири, где она находилась в ссылке вместе с В. И. Лениным. Впервые она была напечатана в типографии газеты «Искра» в 1901 году в Мюнхене без указания имени автора. В 1905 году в Петербурге вышло легальное издание книги за подписью Саблиной, и тогда же оно было запрещено. Крупской на ту пору было тридцать лет, матерью она, как известно, не была. Тема возникла из наблюдений за деревенской жизнью, с которой она столкнулась в сибирской деревне (с. Шушенское). Приведу несколько выдержек из этой брошюры:

«Самое большее, если женщина научит сына соблюдать посты и церковные обряды, бояться бога и старших, почитать богатых, научит смирению и терпению... Только вряд ли от этого ее дети станут счастливее и свободнее, станут лучше понимать смысл слов: „все за одного, один за всех“, вряд ли будут лучше уметь добиваться справедливости и стоять за правду»¹.

Речь шла, как мы видим, о неправильных программах воспитания, которые, по мнению Крупской, задавались в традици-

¹ Здесь и ниже цит. по: *Крупская Н. К. Избранные произведения.* М., 1988. С. 14–17.

онной крестьянской семье. Критика была направлена против обучения детей социальной вертикали — подчинению «старшим», «богу», «богатым». Правильные программы — программы коллективизма: борьба за справедливость, девиз «один за всех — все за одного». Через полвека английский антрополог Виктор Тэрнер назвал такой тип социальной организации «коммунитас». Форма подобных организаций предполагает горизонтальные отношения «товарищей», «учеников», «братьев и сестер» и их полное подчинение «гуру» — наставнику, духовному отцу, лидеру, вождю¹.

В семье, как заметила Крупская, детей учили «терпению и смирению», то есть иерархии. Крестьянская семья была организована посредством сложной схемы подчинений. Большак, хозяин, старший мужчина в доме отвечал за семью перед миром — крестьянской общиной и государством, хозяйке подчинялись все женщины дома, дети и неженатые мужчины (сыновья); младшее поколение подчинялось старшему.

Отказывая крестьянским матерям в понимании целей и задач воспитания, Крупская определила суть воспитания, каковой она должна стать для нового общественного строя:

«Мы видим, что в большинстве случаев женщина-работница поставлена в полную невозможность разумно воспитывать своих детей. Она совершенно не подготовлена к роли воспитательницы: она не знает, что вредно, что полезно ребенку, не знает, чему и как учить его... Как будет поставлено дело воспитания при социалистическом строе? Мы уже говорили, что социалисты хотят общественного воспитания детей. „Эти ужасные социалисты, — восклицает буржуа, — хотят разрушить семью, отнять детей от родителей!“ <...> Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим прежде всего понимают то, что забота о содержании детей будет снята с родителей и что общество обеспечит ребенку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться...

¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Уже в настоящее время в западноевропейских странах существуют так называемые детские сады... Дети поделены на группы, и каждая группа занята своим делом. В саду дети роют землю, поливают и полют грядки, в кухне чистят овощи, моют посуду, строгают, клеят, шьют, рисуют, поют, читают, играют. Всякая игра, всякое занятие учит чему-нибудь, а главное, ребенок приучается к порядку, к труду, приучается не ссориться с товарищами и уступать им без капризов и слез... Как непохоже это времяпрепровождение в детском саду на то бесцельное скитание из угла в угол, на которое обречены дома дети, с которыми некогда заняться!»

За два десятилетия до Октябрьского переворота высказана мысль о необходимости *общественного* воспитания детей. Очевидно, что автор видел путь к созданию «новых людей» в социализации детей посредством общества равных («товарищей»). В таком обществе, как это видно из слов Крупской, нужно уступать большинству. Эта схема впоследствии, в советское время, стала основной формой организации детей, да и взрослых тоже: группа детского сада или яслей — и воспитательница, класс — классный руководитель... Общество равных — и гуру, наставник, обладающий исключительной властью.

В числе первых социальных преобразований Октября — реорганизация институтов семьи и воспитания, а следовательно, и иерархической структуры. Новая идеология «общественных» людей находит свое выражение в конкретном социальном строительстве. 18 декабря 1917 года был подписан декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния. Но на ту, начальную пору советской власти эти институты очень отличались от тех, о которых мы хорошо знаем по собственному опыту. Это проще всего увидеть не по нормативным документам, а по разъяснениям и статьям в периодической печати, которые призваны были увязывать норму с практикой. Одно из наиболее показательных изданий в этом отношении — журнал «Работница», который выходит с 1923 года. В нем разъясняется новое семейное право, о котором мы узнаем много нового и удивительного:

«Законы сохраняют юридическую форму брака в интересах слабой стороны — женщины».

«Семейное право начинается с момента зачатия и рождения ребенка».

«Если брак не записан в Отделе записи актов гражданского состояния, то женщине приходится доказывать, а часто со стороны мужчины встречается обман или легкое отношение, что брак, т. е. половые общения, был и что появившегося ребенка должен в свою очередь содержать и отец, а не одна мать»¹.

Закон требует единобрачия (обязательного расторжения старого брака при вступлении в новый), устанавливает брачный возраст для женщины — шестнадцать, для мужчины — восемнадцать лет, запрещает близкородственные браки, значительно сужая границы инцестуального запрета по сравнению с традицией дореволюционной. Запрещен брак между матерью — сыном, дочерью — отцом, братом и сестрой («полнородственными и не полнородственными»). Журнал растолковывает практику нового брака:

«Забеременевшая и не состоящая в зарегистрированном браке женщина имеет право заявить во время беременности или после рождения ребенка в отдел ЗАГС по месту своего жительства, указав местожительство отца. Если в течение двухнедельного срока отец не сделает возражений, ребенок записывается как произошедший от названного отца. В случае, если он не признает ребенка, он подает в суд на мать о неправильности ее заявления... Если отец ссылается на то, что мать имела половые отношения с разными мужчинами, даже в случае правильности сообщаемого, суд постановляет привлечь к уплате всех мужчин, бывших в момент зачатия в отношениях с матерью ребенка»².

Первого января 1918 года ликвидировано Всероссийское попечительство по охране материнства. Все его имущество было передано Отделу охраны материнства и младенчества при Наркома-

¹ *Работница и семья* (собрание узаконений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918 г. № 76—77. Ст. 818) // *Работница*. 1923. № 1. С. 16.

² *Что нужно знать крестьянке* // *Работница*. 1924. № 9 (21). С. 16.

те государственного призрения. Первый комиссар государственного призрения Александра Коллонтай писала: «Для того чтобы женщина-мать могла работать и от этого не страдал бы ребенок — будущий производитель, необходимо поставить трудящуюся женщину в более благоприятные условия, чем она находилась при капитализме, необходимо разгрузить ее от производительного труда по домоводству и воспитанию детей, переложив эти чисто семейные работы на коллектив»¹.

Новая власть централизует управление организациями, которые занимаются материнством и детством: «Все обслуживающие ребенка большие и малые учреждения Комиссариата государственного призрения от воспитательных домов в столицах до скромных деревенских яслей, все они со дня опубликования данного декрета сливаются в одну государственную организацию и передаются в ведение Отдела охраны материнства и младенчества, чтобы составить неразрывную цепь с учреждениями, обслуживающими женщину в период беременности и кормления грудью»².

Попечительские организации царской России занимались помощью, советская власть берет институт семьи и воспитания под полный контроль. Вопрос воспроизводства людских ресурсов становится государственным делом. Именно на этой практической закваске всходят советские социальные пироги: педи-

¹ Коллонтай А. Общество и материнство // Государственное страхование материнства. Вып. 2. М.; Пг., 1923. С. 8.

² Известия ЦИК Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. № 30. 21 февр. С. 5.

атрия как отдельное направление науки, образование и социальные институты, система женских консультаций и родильных домов как способ государственного надзора за производительницами, педология и педагогика как отдельные специальности. Вращивать и воспитывать новых людей должны новые специалисты. За это отвечает государство: «Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.»¹.

Из младенческого и раннего детского жизненного опыта поколений советских горожан постепенно изымаются те самые «материнские руки», о которых будут бесконечно твердить массовые тексты. «Материнские» руки пестующих младенцев бабушек заменяются твердыми и ответственными руками специалистов.

Можно констатировать важный факт: риторика «святого материнства» нарастает в обратной пропорции к материнской практике.

Огосударствление детей происходит постепенно. В 1920-е годы изъятие родильниц из семьи, проживание их в отдельном доме, а внутри него — отдельно от детей мотивируется гигиеническими соображениями. Вот одно из описаний Дома матери и ребенка 1924 года: «Первое отделение — плач, чахлые дети-подкидыши, которые привыкают к искусственному кормлению. Второе отделение — дети, вскармливаемые на молоке матери: веселые, здоровые, чистенькие. Третье отделение — кормящие матери: матери совершенно отдельно от детей, они читают газеты, книги, гуляют. „Ну разве мы дома сумеем так воспитать детей, вести такую чистоту?“ Внизу помещаются дети от года до четырех лет, тоже все здоровые и веселые»².

Функция матерей — грудное вскармливание, которое обеспечивает здоровое потомство. Родильные дома, ясли, сады — фабрики по производству новых людей. Рождение — физиологиче-

¹ VIII съезд ВКП(б) 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1953. С. 415.

² *Работница*. 1924. № 13–14 (25–26). С. 44.

ский акт, возвращение — акт производственный, воспитание — акт идеологический. Кормящих матерей одевают в косынки и халаты, так же как и работниц на производстве. Они производят кормление по расписанию, а в промежутке заняты важным делом — повышают свой культурный и политический уровень, занимаются гигиеной и вырабатывают необходимый для своей работы продукт — молоко.

Приведу два отрывка из периодики того времени, представляющие особый колорит эпохи. Статья в журнале «Работница» (1924. № 1 (13). С. 10) озаглавлена «Великий Октябрь и маленький октябрь»:

«Вот как прошла годовщина Великого Октября в стенах Дома грудного ребенка. В тот день у работниц был семейный праздник — „крестины“ их ребенка, ребенка кормилицы дома. <...> Как же назвать ребенка? Мать в недоумении — радость обстановки ее совсем смутила.

„Назвать в честь Великого Октября“, — вносится предложение. Мать соглашается, и море рук под звуки Интернационала нарекает малыша Пекарской Октябрем. Отныне дитя Пекарской — дитя всех служащих Дома грудного ребенка. День празднования первых крестин среди членов союза Всемедикосантруд — день спайки между его членами... Кто же та самая героиня, решившаяся отказаться от старых дедовских обрядов? Сама Пекарская — дитя деревни, дитя сохи Украины. Уже 10 лет она работает по найму...»

А вот еще одно описание нового обряда — «Первые октябрины» (Работница. 1924. № 2. С. 15):

«Шумно в клубе сотрудников Центрального Комитета Росс. ком. партии... Еще бы! Сегодня их праздник: одна из членов КСМ тов. Смородинова вводит в общество своего новорожденно-го сына. Она с ребенком на руках сидит в президиуме настоящего собрания, а рядом восприемники ее малыша: мать — делегатка от работниц тов. Валиева и отец — секретарь ячейки РКП тов. Поскребышев.

Что значит „октябрины“? Это значит, что у колыбели младенца стоит не церковь, а те, которые указали, что есть путь к лучшему на земле, а не на небе, как говорили попы и учила церковь. Младенца при вступлении его в новую жизнь встречают не попы, а борцы, которые говорят ему „борись“. Во имя земного царства вступили мы в бой в октябре. Кто знает, может быть, этому ребенку суждено войти в это царство? <...>

Ответное слово отца ребенка. <...> Пионеры выставляют почетный караул в честь новорожденного. <...> Ячейка постановила дать имя ребенку тов. Смородиновой в честь Коммунистического интернационала молодежи — Ким...»

Заметим, что в материнском дискурсе 20-х годов полностью отсутствует тема любви. Коллонтай писала о крылатом и бескрылом эросе: «Любовь индивидуальная, лежащая в основе „парного брака“, направленная на одного или одну, требует огромной затраты душевной энергии. Между тем строитель новой жизни, рабочий класс заинтересован в том, чтобы экономно расходовать не только свои материальные богатства, но и сберегать душевно-духовную энергию каждого для общих задач коллектива»¹.

Персональная привязанность понималась как проявление индивидуализма. Дети важны для матерей постольку, поскольку они важны для коллектива (государства). В родильных, или детских, как их называли в начале 20-х, домах кормящие матери кормят не только своих детей. Младенцы нуждаются в грудном молоке, но это не обязательно молоко собственной матери. Из рассказа «О подкидыше»: «Сестра привела одну из матерей-кормилиц: „Вот, тов. Степанова, ваш второй сын. Око за око, зуб за зуб. Республика о вас заботится, вам отдых после родов дает, а вы ей

¹ Коллонтай А. Общество и материнство. С. 6–7.

лишнего гражданина вырастить помогите“» (Работница. 1924. № 22 (32). С. 31).

В дореволюционном городе младенческим попечением занимались церкви (крещение; акт рождения фиксируется именно в церковно-приходской книге), акушер и нянька/кормилица, посредством которой привлекался традиционный опыт. После революции к колыбели приставлены две инстанции, обе — государственные: медики и отделы записей актов гражданского

состояния. Предшествующий традиционный «обычный» опыт материнства новое государство отрицает полностью. Невежественные матери не могут знать, как правильно растить своих детей, для правильного материнства нужны не матери, а специалисты. И эти специалисты — медики. Материнство и младенчество становятся областью клиники.

Идея медицинского просвещения — одна из главных в развитии института патронажа, который вводится в советскую социальную практику в это время:

«Идея санитарно-просветительского патронажа при консультации заключается в том, чтобы научить мать практически у нея на дому правилам гигиены и питания грудного ребенка. <...>

Свои занятия с матерями сестры вели по отработанной мною для них схеме, рассчитанной в среднем на 4–6 посещений, причем сестрам вменялось в обязанность не только показать матери практически все правила ухода и кормления, но заставить ее все сделать при себе... При снятии матерей с детьми с патронажа мы классифицировали их, руководствуясь следующими данными: успешные, т. е. те, которые усвоили все правила ухода и кормления; их было 61,8%; не вполне успешные — это те, у которых отмеча-

ется какой-нибудь дефект в уходе или кормлении (напр. все хорошо в кормлении, но свивают, или качают, или не гуляют); их было 14,8%; и безуспешные — те, которые совершенно не поддавались влиянию санитарно-просветительского патронажа вследствие разных причин, т. е. тяжелых материальных и жилищных условий, некультурности матери, влияния бабушек и родственников...»¹

Я лично столкнулась с институтом патронажа в начале 1990-х. На фоне общего социального нестроения того времени четко и сложно организованные действия, направленные государством в лице поликлинической патронажной сестры на мою персону, воспринимались как странный анахронизм. Государство, вторгаясь без временных согласований в твоё жилище, строго и безапелляционно вопрошало: сколько комнат у тебя, сколько окон, где ты работаешь и сколько зарабатываешь, с кем ты живешь и каковы ваши отношения, как поставлена мебель в твоём доме, какое у тебя настроение и т. д. и т. п. Все вопросы протоколировались в стандартных формулярах.

Меня обезоруживала готовность советских бабушек ввериться медицинскому авторитету в деле ухода за младенцем. Авторитет государства в области материнства для них был непререкаемым. Миллионные тиражи книги доктора Спока на рубеже 1980-х годов, с его доверием к материнской интуиции, — реакция молодых матерей, растерявшихся перед фактом одобряемого старшими женщинами вторжения государства в столь интимную сферу отношений и чувств. Формат государственного авторитаризма в деле материнства был заложен в советском институте здравоохранения.

Патронажные сестры, как это следует из инструктажа двадцатых годов, должны были учить матерей:

- проветривать комнату;
- соблюдать чистоту в отношении комнаты, постели и белья ребенка;

¹ *Вассерман В. А.* О методике ведения патронажа при консультации для детей грудного возраста // Труды 4-го Всесоюзного съезда детских врачей. Москва. 30 мая — 4 июня 1927 г. / Под ред. проф. Г. Н. Сперанского. С. 455–462. Автор статьи описал методику работы консультации и патронажа при Отделе охраны материнства и младенчества Наркомздрава и привел статистику за 1923–1926 гг.

- переносить постель ребенка к свету;
- организовывать отдельную постель для ребенка («вместо того чтобы спать с матерью, в люльке, в корзине и пр.»);
- не свивать младенца;
- купать и подмывать;
- выносить детей гулять;
- не пользоваться пустышкой.

Описание практики патронажа (за 1926 год) позволяет увидеть тот быт, на модернизацию которого были направлены усилия советской власти. Так, например, рассматривалась работа патронажа в одном московском районе — Зарядье. Приведена краткая справка: в районе 72 дома, 8 переулков, «баня только еврейская — для исполнения ритуала»:

«При посещении семьи поражает прежде всего люлька над кроватью матери — в темном углу. <...> Беспорядочное кормление грудью; несколько раз приходилось наталкиваться на жевку; прикармливание „Нестле“ с самого раннего возраста, неизвестно в каком разведении. <...> Свивальник — обязательная часть туалета ребенка; атласное стеганое одеяло для улицы — и отсутствие пеленок надлежащего размера. Откусывание ногтей, боязнь до года остригать волосы, укутывание, пассивность перед молочницей, себореей, срыгиванием — как проявлением „цвета“. 35,3% посещаемых семей — малограмотны и неграмотны. Характерным в районе является сезонность работы: в сезонное время (с 1 августа по январь) в домах удручающая картина: в набитую до отказа квартиру вселяется масса людей. Грудные дети часто являются временным элементом, потому что связь жителей с деревней большая. Из деревни к мужьям переезжают на время жены с грудными детьми»¹.

Главная цель институтов материнства и младенчества (позже институтов педиатрии) — воспитание правильных матерей-производительниц и государственный контроль за воспроизводством, с учетом всех передовых технологий. И хотя идеологи нового социалистического быта отмечали экономическую невоз-

¹ Мелентьева Е. П. Опытная работа патронажа Гос. науч. института охраны материнства и младенчества. НКЗ за 1926 г. // Труды 4-го Всесоюзного съезда детских врачей. С. 462–471.

возможность на текущем, «начальном» этапе *обобществить* советских детей, в планах советской страны стояла именно эта задача. Приведу рассуждения Луначарского по этому вопросу, с которыми он выступил в 1926 году:

«При социалистическом строе мы можем сказать: обществу безразлично, как вы любите друг друга, — любите, как вам хочется, а дети, которые от этого рождаются, будут обеспечены самим обществом. Вот в чем особенность социалистического строя, вот что он сможет сказать нам. Не важно, как ведут себя отцы и матери. Родился ребенок — общество его берет, те, у кого родительских чувств нет, могут о нем и не заботиться. Но мы сейчас не можем так сказать. Мы не можем сказать: граждане и гражданки, сходитесь, размножайтесь, мы о ваших детях позаботимся. Не можем. Мы в этом году 46 миллионов — значительную часть нашего бюджета по РСФСР, чрезвычайно отягощающую и отражающуюся на всем деле народного образования, — тратим на содержание государственных сирот. Наши детские дома и сейчас экономически и педагогически неудовлетворительны, а у нас сотни тысяч детей, столько же, сколько мы приютили, бегают еще по улицам в качестве беспризорных полуживотных, и мы не можем, мы не имеем средств их поймать, приручить и сделать их нормальными государственными детьми. Можем ли мы при этих условиях говорить: плодитесь и множьтесь, мы позаботимся о детях? Не можем»¹.

Итак, в конце двадцатых советское государство пока не может, но *хочет в будущем* взять на себя роль воспитателя детей, оставив физическим родителям лишь функцию их производства.

Очень показательны в этом отношении сюжеты росписей фойе Института охраны материнства и младенчества в Москве, сделанных В. А. Фаворским в 1933 году: женщина в рабочем халате (мать?) выпускает из рук шагающего ребенка, передавая его женщине в медицинском халате; женщина-медик взвешивает

¹ Стенограмма доклада, прочитанного в Ленинграде в 1926 г. См.: Луначарский А. О быте. М.; Л., 1927.

ребенка, другая измеряет его рост. У всех — сосредоточенные и сдержанные лица: люди на работе.

Очевидно, что лозунг «Пусть всегда будет мама!» в идеологическом контексте того времени был совершенно неуместен.

Отношение к семье и материнству в корне меняется к концу тридцатых годов. Первая глава книги «Советская женщина — счастливая мать», «Сталинская забота о матери и ребенке», предварена эпитафией, о котором можно сказать только одно — нарочно не придумаешь:

«Ни в одной стране в мире женщина не пользуется таким полным равноправием во всех областях политической, общественной жизни и в семейном быту, как в СССР (из декрета „О запрещении аборт“)¹».

«Сейчас нет почвы для ограничения деторождения, — отмечает автор книги В. А. Юшкова. — Мы не имеем права больше калечить женский организм и лишать государство будущих советских богатырей. Мы не имеем права отнимать у женщины великое, святое чувство материнства»².

Именно с этого времени слово «святость» активно включается в официальный дискурс материнства. И тогда же активизируется контроль за женской сексуальностью. Реформа школьного образования, осуществленная в военном году, предусматривала раздельное обучение мальчиков и девочек, — собственно, с какой еще целью, как не с целью такого контроля? Как отмечали многие исследователи, святая материнская любовь этой поры нужна была для производства «богатырей». Богатыри, рожденные в 1937 году, попавшие под запрет аборта, унаследуют как сыновнюю любовь-долг к «святой матери», так и социальное унижение безотцовщины, с погибшими, сидящими или отсутствующими в метриках отцами. Этот травматический опыт сохраняется до сего дня:

¹ См.: Юшкова В. А. Советская женщина — счастливая мать. М., 1937. С. 9.

² Там же. С. 28.

Вот в вашем опросе я слышал, в заставке, что одна из женщин на улице высказала мысль о том, что мать-одиночка — это чуть ли не героиня нашего времени и прочее. А как вот этот героизм, как вы считаете, выглядит со стороны ребенка, особенно сына, который вынужден все свое детство и юность жить в неполной семье? И как он потом по жизни пойдет? Я, например, свое детство вспоминаю, я тоже был безотцовщиной, и у меня эта рана живет всю жизнь со мной. И особенно в мужских компаниях вот это отсутствие влияния отца в детстве сказывается даже уже в таком возрасте¹.

Михаил Эпштейн предложил в качестве ключа к мифологии советской цивилизации миф об Эдипе. Философская основа марксистско-ленинского мировоззрения — материализм. В свою очередь, мифологическая основа материализма — культ матери-природы, почитание материнского начала бытия. «Материализм исходит из давнего и задушевного убеждения в правоте природы, в ее материнских правах на человека, в долге человека по отношению к матери-природе... Материя составляет материнское, порождающее, природное начало бытия, тогда как Бог — мужское и отцовское». Воинствующий атеизм большевиков объектом агрессии имел Отца. Мать (природа) оставалась предметом поклонения и вождения. Главной книгой нового материалистического мира стал роман Горького «Мать», и это было, по мнению М. Эпштейна, далеко не случайно:

«„Это великолепно — мать и сын рядом!..“ — заучивали мы со школьных лет, не чувствуя „горькой“ подоплеки этих волнующих слов. И писали сочинения о том, как мысли и дела сына переполняют мать, как под влиянием Павла распрямляется ее душа и молодеет тело. Впоследствии Горький приоткрыл секрет своего мировоззрения; как это часто бывает с эротически опасными, „вытесненными“ темами — в виде отсылки к другому писателю, природоведу и тайновидцу Земли Михаилу Пришвину, в сочинениях которого он находит и горячо одобряет дух всеобъемлющего инцеста с матерью-природой. „Это ощущение Земли, как своей плоти, удивительно внятно звучит для меня в книгах Ваших, Муж и Сын великой Матери. Я договорился до кровосмешения? Но ведь это так: рож-

¹ Ткачук Т. Мать-одиночка: Ток-шоу на радио «Свобода» // www.svobodanews.ru.

денный Землею человек оплодотворяет ее своим трудом...“ Здесь ясно высказано то, что подсознательно заключено в образе Павла Власова — „мужа и сына великой матери“ — и придает этому образу архетипическую глубину. Горький осознает, что „договорился до кровосмешения“, но поскольку в 30-е годы это уже архетип целой новой цивилизации, постыдность признания исчезает, наоборот, заменяется гордостью за человека, дерзающего героически оплодотворить собственную мать»¹.

Итак, по наблюдению М. Эпштейна, советский материалистический миф — миф о матери-земле, которую сладострастно «овладевает», совершив отцеубийство, сын.

В пользу предложенной трактовки советского мифа может свидетельствовать иконография материнства в советском монументальном искусстве.

Когда я впервые увидела чудотворную икону Покрова Пресвятой Богородицы в монастыре св. Иоанна Кронштадтского, меня поразила идентичность композиций этой иконы и образа Родины-матери на Пискаревском кладбище. Икона была написана по благословиению о. Иоанна Кронштадтского в начале XX века, какое-то время находилась в храме монастыря. Как известно, монастырь оставался закрытым на протяжении многих лет советской власти. Что же касается монументального изображения Родины-матери, то история его появления такова. Пискаревский

¹ Эпштейн М. Эдипов комплекс советской цивилизации // Новый мир. 2006. № 1. Цит. по: <http://magazines.russ.ru>.

мемориал соорудился около десяти лет (1949–1960). По первоначальному проекту центром композиции должен был стать обелиск. Проект был изменен, обелиск заменила скульптура, которую создавали Вера Исаева и Роберт Таурит. «Поиски художественного образа этого величественного изваяния были для В. Исаевой и Р. Таурита сложным творческим процессом. После многих эскизов за четыре месяца до установленного срока они отказались увеличивать до нужных размеров утвержденную модель и в предельно сжатое время создали новую скульптуру»¹.

Случайно проходя мимо, я обнаружила памятную доску на доме, находящемся в трех кварталах от монастыря, сообщающую о том, что здесь жила скульптор В. Исаева, — это навело меня на предположение, что иконографический прообраз был знаком автору, повторившему его в скульптуре.

Но этот памятник — лишь одно из многих воплощений Великой Матери, созданных советским монументальным искусством в 1950–1980-е годы. На мозаике одной из наиболее пышно украшенных станций Ленинградского метрополитена, «Автово», размещено фронтальное изображение женщины с мальчиком, сидящим у нее на плече:

«Миру — мир! Наше дело правое — мы победим!» (1955 г., художники А. К. Соколов и В. А. Воронец). В композиции «Моя родина» (Московский автовокзал, 1972 г., художник Ю. К. Королев) семья имеет специфический состав: старшая женщина в платке и женщина моло-

¹ Косточкин В. В. Поясом немеркнувшей славы (Монументы рубежей Ленинградского фронта). Л., 1975. С. 27.

дая, с двумя мальчишками. Мозаика «Новая эра» во внутреннем фойе посольства СССР в Стокгольме (1970 г., художник Д. М. Мерперт) изображает парящую в воздухе без какой-либо опоры женщину, которая держит в ладонях непропорционально маленького по отношению к ее фигуре младенца. На витраже в музее Ленинского мемориального центра в Ульяновске (1970 г., художник А. А. Стошкус) возвышается колоссальная

женская фигура, вскинувшая вверх руки. Она доминирует над множеством других фигур, в пропорции один к пяти к женскому образу, а протягивающее к ней руки дитя композиционно вписано в ее бедро. Барельеф «Мать-Родина» на Лемболовской твердыне (1967 г., авторы мемориала: скульп. Б. А. Свинин, арх. А. И. Гутов и Ю. М. Цариковский, инж. Н. И. Седов) изображает немолодую женщину в платке, рукой прикрывающую младенца. Во всех монументальных произведениях второй половины XX века матери:

- вздымают мечи;
- снабжают ими воинов;
- несут траурные венки;
- держат живых или мертвых детей на руках.

Археолог будущего, обнаружив гигантоманию женских изображений древней советской эпохи, сделал бы однозначное заключение. Советские люди поклонялись Великой Матери. Это была богиня войны — она понуждала к ней мужчин и отдавала им погребальные почести, и она же хранила жизнь детей.

Но что же происходит с реальными матерями, в то время когда общество поклоняется и желает обладать «великой»? Каким жизненным сценарием снабжались они?

Советская практика охраны материнства и детства ликвидировала физическую близость матери и младенца при помощи яслей круглосуточного пребывания: «С 1945 года введено круглосуточное обслуживание детей в яслях и садах (в городах — 40% от общего числа мест, в деревнях — 15%)»¹.

Приведу очень показательный текст из методического пособия для работников дошкольных заведений: «Ясли представляют собой учреждение охраны младенчества и детства открытого типа, лечебно-профилактического, оздоровительного и воспитательного характера, рассчитанное на детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет. В. И. Ленин называл такие учреждения „ростками коммунизма“, так как они дают возможность женщине участвовать наравне с мужчиной во всех областях... общественной жизни... В основу организации яслей положен производственный принцип»².

Советские институты детства — дворцы пионеров и школьников с вожатыми и кружками, школы и пионерские лагеря с казарменным режимом, детские сады и прочие детские учреждения, — отказав матерям в компетенции воспитания собственных детей, освободили их от необходимости принимать решения. Для этого были специалисты. Материнская задача состояла в подчинении компетентным инстанциям. Система власти и подчинения советских матерей кардинальным образом отличалась от досоветской эпохи.

В традиции русской крестьянской свадьбы молодая жена должна была принять новые правила — безоговорочное подчинение мужу и его родителям:

У свекровушки — не у матушки родной,
У свекровушки — ходи по одной половушке.

Невеста вопрошала замужнюю сестру в причитании:

¹ Ковригина М. Д. Забота государства о матери и ребенке. Пенза, 1946. С. 71.

² Сестра-воспитательница яслей и младших групп детских садов / Под ред. М. Д. Ковригиной. М., 1970. С. 26.

Уж как я-то, да сиротиночка,
Не могу умом подумать,
Умом-разумом да поведать,
Будет как да приступитися,
Мне к этому чужим людям?
Уж как я-то, да сиротиночка,
Младым да молодешенька,
Я умом-разумом да глупешенька!
Расскажи-тко, да мила сестрица,
Мине как да приступитися
К удалому да добру молодцу?
Али мине, да мила сестрица,
Подтечи да быстры реченьки?
Али горой да подкатитися?
Или словами да подкупитися?
Или деньгами да подкупитися?

*Вологодская обл.,
Белозерский р-н (1994)*

Внушаемые невесте в процессе свадебного обряда новые для нее нормы поведения были связаны с ее замужеством. Женщина переходила к новым иерархическим отношениям: выходя из подчинения матери и отцу, она вплоть до собственной «большины» должна была подчиняться старшим в семье мужа и мужу. Сексуальное овладение молодой женой сопровождалось метафорами морального подчинения. Молодая жена снимала сапоги с ног мужа, лежащего на брачной постели, за что награждалась монеткой, лежащей в одном из сапог.

В советской практике женское тело контролировалось государством посредством принудительной медицины. Провозглашенная и принятая как императив святость материнства делала отпор власти невозможным: не будешь слушаться врачей — убьешь себя и ребенка. Государство контролировало и факт овладения этим телом женщиной¹. Последнее могло быть скрыто от государства безбрачием, тогда в силу вступали «общественность» и родители, боящиеся общественного осуждения; вопрос обществен-

¹ 8 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР принимает указ, согласно которому только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов.

ного контроля над женским телом перемещался в сферу нравственности. В 1961 году на экраны страны вышел фильм «А если это любовь?» (реж. Ю. Райзман). Десятиклассник Борис Рамзин написал однокласснице Ксении Завьяловой письмо, которое она случайно потеряла. Письмо попадает в руки другой девочки, потом в руки учительницы. Начинается скандал. Ксения, не сумев найти в себе силы быть выше пересудов и злословия, совершает попытку самоубийства... Фильм вызвал самую полемическую критику в прессе 1962 года. Прокат — 22,6 млн зрителей.

Отношения между девушкой и парнем, школьниками, публично разбирались учителями, парторганами и директором школы на предмет степени их интимности. И государственный контроль оказывался более гуманным, нежели родительский. Факт совместного прогула школы однозначно толковался разъяренной матерью как утрата девичьей чести, падение, в чем мать публично, при большом внимании соседок по двору, обвинила дочь.

Это один из примеров общественной работы с женским жизненным сценарием. Безграничный материал на эту тему дают школьные сочинения и методические материалы по «Грозе» А. Н. Островского. Контроль над женской сексуальностью осуществляется посредством страха стыда. Контроль над материнством использует другой страх — страх смерти, этот рычаг управления — в руках медицины.

В русской традиционной культуре материнство понималось и как путь к освоению определенного магического знания. В 1984 году в фольклорной экспедиции на Пинеге мои собеседницы (женщины 55 и 80 лет, мать и дочь), в процессе разговора узнав о том, что я замужем, удалили на время моего коллегу и передали мне большое количество заговоров, связанных с магической защитой и лечением младенцев. Свое желание научить меня они мотивировали тем, что я должна быть готова стать матерью. За традиционной эзотерикой материнства стояла определенная магическая сила: получая новую ношу ответственности, мать одновременно наделялась новыми для нее магическими рычагами контроля и власти.

Советская практика материнства, напротив, устраняла какие-либо формы возможного материнского контроля над воспитанием и здоровьем ребенка. Но ответственность за результаты такого государственного возвращивания тем не менее была возложе-

на именно на мать. Общество нагружало ее всей мерой вины за моральный и нравственный облик потомства и постоянно заботилось об изменении фокуса зрения матери. На этапе беременности и младенчества этот фокус должен был сместиться в сторону переживания себя как неразумной плоти. Риторике этой общественной опеки над поведением будущей матери описала Т. Б. Щепанская: беременность и материнство меняли статус женщины в сторону лишения ее приватной, личностной сферы:

«Явление деперсонализации, отчуждения женщины от ее собственного тела весьма характерно для системы родовспоможения. Метафоры „смерти“, „безумия“, „звериности“ поддерживают и обозначают эту деперсонализацию, а тем самым — и статус женщины в системе родовспоможения: статус „пациентки“. Система принимает ее только на эту роль — пассивного объекта: „мертвого тела“, лишённого собственного разума или, во всяком случае, знания — основания собственной активности и инициативы. Монополия на знание (и, следовательно, действие) принадлежит институту»¹.

Из замечаний Марии Арбатовой, перечислившей императивы «советской» матери:

«Все логические попытки ощутить внутри себя живое существо мне не давались. То, что я беременна, то, что это кончится появлением кого-то маленького, и то, что я буду его матерью, я понимала, но по отдельности. Сознание мое не было приспособлено к тому, чтобы эти факты выстроились причинно-следственно. Культура моей страны не готовила меня к этому. „Ты — девочка, будущая мать, и потому не должна“ — далее следовал список несправедливых ограничений, шаг в сторону — побег, слышала я с молодых ногтей так же часто и с той же степенью недоверия, как и то, что воинская обязанность — почетный долг каждого гражданина. „Я мать“, — кричала маман, мотивируя любую карательную гадость. Чугунные и каменные матери толпились по городам и весям страны, их прообразы ругались в очередях, жаловались на пьяниц-мужей, охотно подставляли детей

¹ Щепанская Т. Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 3. СПб., 1999. С. 389–423. Цит. по: <http://www.poehalynarod.ru>.

под расправу детских садов, больниц, пионерлагерей, школ, и мне совсем не хотелось пополнять их ряды»¹.

Итак, что должна мать?

Она должна была чувствовать вину за неудобство, которое доставляют ее дети всем окружающим: воспитателям в детском саду, соседям за стенкой, врачам в поликлинике, учителям, мужу, который устал после рабочего дня: «Женщина, скажите вашему ребенку, чтоб не бегал / кричал / вертелся / хватал мои руки» (врач) и т. д. В общем, женщина, наделите его смирением, молчанием и неподвижностью! Но при этом «проверьте, чтоб прочитал, выучил, узнал, рассказал, заполнил дневник, пришел вовремя» и т. д. В общем, научите его покорности и исполнительности. Следуйте инструкциям! Иначе какая вы мать!

Мать должна была быть солидарной с любой общественной инстанцией, выражающей недовольство ее ребенком, карать по указанию специалистов. Именно и только с этой целью родителей вызывали в школу, желая видеть их лично. В прочих случаях, когда родителям удавалось выполнить все предписания и заработать общественное одобрение, инстанции обходились письменными посланиями (грамотами). В домашних архивах советской поры вперемешку с поздравительными открытками и фотографиями хранятся детские грамоты и благодарности: дана такой-то за такое-то место в соревновании по...; школа № такая-то выражает благодарность родителям NN за...

Болезнь и неуспех ребенка — вина матери, здоровье и успех — заслуга учителей и коллектива, а также оздоровительных мероприятий.

А еще — матерью быть стыдно, потому что — «не девушка» именно в физиологическом смысле. Супружество — слабое прикрытие совершенного греха, дети — неопровержимое доказательство падения. Именно поэтому, я думаю, прозвучал незабываемый возглас в одном из советско-американских телемостов: «В СССР секса нет!» Секс для советской женщины — постыдная тайна ее замужества. Его надо было скрывать, проживая в общих комнатах с родителями и детьми. Телесная сторона любви была полностью

¹ Арбатова М. Меня зовут женщина. Цит. по: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/arbatoва_c.htm.

изъята из нормативного языка и переместилась в просторечие и брань. Собственно, все то, что делает русский мат, он делает с женщиной, клеймя ее за сексуальный опыт. Или же размещает кого угодно в позицию женщины, имеющей сексуальный опыт. И самое главное, что в этой позиции русский мат располагает именно мать.

На примере мифологии и социальной практики материнства можно увидеть, в какой степени художественные формы связаны с идеологическими установлениями общества/государства. Традиция советского времени, используя в значительной степени арсенал традиционных переходных ритуалов, решительно порвала как с эзотерикой крестьянского родильного обряда, приобщавшего родившую к сообществу матерей и мистике рода, так и с метафизикой появления новой души в традиции православной¹.

В практике советского материнства дух доставался Великой Матери с мечом или траурным венком в руках, а также Матери Природе. За призывом «Люби свой край!» стояли бесконечные поэтические и школьные высказывания о любви к родной природе-матери. Женщинам-матерям оставалось только «натруженное», использованное тело, а также идея жертвенности. Она должна была соблюсти тело дочери под контролем государства и пожертвовать телом сына, воспитав его защитником Великой Матери.

Современная публичная речь свидетельствует о том, что описанный советский материнский миф актуален до сегодняшнего дня. «Иркутская торговая газета» (<http://itg.irkutsk.ru>) выясняла мнение разных специалистов относительно «национального проекта» материнства:

Елена Веселкова, главный редактор ИРА «Телеинформ»:

— Конечно, материнство может быть профессией. Растить детей — тяжелое дело, особенно если их несколько... Очень многие хотели бы полностью посвятить себя детям, но не имеют возможности это претворить в жизнь. Вообще, любой человек должен иметь право выбора, а особенно женщины: делать карьеру или воспитывать ребенка.

¹ О традиционном родильном обряде см.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 319–327; Носова Г. А. Традиционные обряды русских. М., 1999. О рождении и обряде крещения в православной традиции см.: Штемон А. Водой и Духом. Париж, 1986; Православное богослужение. Русифицированные тексты чинов крещения, миропомазания и подготовки к ним. Вып. 2. М., 1999.

Игорь Ушаков, главный врач Иркутского диагностического центра:

— С точки зрения физиологии женщина обязана быть матерью. Хотя, если она станет только сидеть дома с детьми, у нее будут ущемлены права и в общественной, и профессиональной деятельности. Мы придем к тому, от чего ушли, — не для того существует демократия, чтобы возвращаться к средневековью. Это в южных республиках женщина воспитывает детей, а мужчина приносит добычу.

Инга Матвеева, директор «Салона красоты Инги Матвеевой»:

— Быть матерью — это не просто профессия, а призвание.

Елена Маслова, кандидат медицинских наук, руководитель Центра здоровьесберегающих технологий Иркутского государственного технического университета:

— Не разделяю подобную точку зрения. Так всегда был устроен мир, что женщина была матерью. В то же время она должна быть востребована в обществе, занимать активную жизненную позицию. Наоборот, если женщина будет заниматься исключительно детьми, то в каком-то смысле станет ущербной и, как следствие, не сможет полноценно их воспитать.

Я думаю, что со мной согласятся многие советские (да и постсоветские) матери. В максимальной степени собакой Павлова ты чувствуешь себя именно в материнской роли. Природная мощь материнского инстинкта, «зоологическая» часть твоих переживаний — рычаг, доступ к которому узурпирован властными инстанциями. Материнство — трудное дело, поскольку оно требует личного и постоянного выбора, личной ответственности и осознанности собственных действий: материнство как опыт персональной ответственности, не случившийся в момент рождения ребенка, так и остается неосвоенным. Матери-отличницы, взращая своих детей, пугливо ждут внешних оценок за свое поведение.

Материнские инстинкты направляются условными знаками. Это лампочки, которые включают и выключают посторонние люди, имеющие свои собственные посторонние цели. У самой матери доступа к этому рычагу управления нет. Важно понять, что недоступность носит не универсальный, но временный и идеологический характер.